

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Московский педагогический
государственный университет» (МПГУ)
д-р физ.-мат. наук, академик РАН и РАО

_____ А. Л. Семёнов

« ____ » _____ 2014 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Дмитрия
Владимировича Качурина «Проблема разграничения омонимии и полисемии
применительно к практике составления толковых словарей»,
представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 — русский язык

Проблема разграничения омонимии и полисемии кажется на первый взгляд настолько хрестоматийной и избитой, равно как и в принципе нерешаемой, что при обращении к диссертации, которая ей посвящена, возникает естественный вопрос о её новизне и нереферативном характере. Применительно к диссертации Д. В. Качурина «Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей» сразу следует оговориться: её заглавие полностью соответствует содержанию, и обозначенная в нём проблема действительно рассматривается автором строго в избранном аспекте, который ещё не становился предметом специального монографического исследования, и этим определяется новизна рецензируемой работы.

Что же касается актуальности, то нам она видится в том, что в переживаемом отечественной лексикографией в последнее пятнадцатилетие буме проблема разграничения омонимии и многозначности решалась в основном традиционными способами, и сдвинуть эту ситуацию с мёртвой точки могут помочь некоторые практические рекомендации рецензируемой диссертации. Кроме того, безусловно актуальным для современного лингвистического исследования является антропологический подход, не только декларируемый автором диссертации, но и осуществлённый им в виде психолингвистического эксперимента, результаты коего существенно повлияли на основные выводы исследования, отражённые в том числе в положениях, выносимых на защиту.

Практическую значимость своей диссертации сам Д. В. Качурин определяет как очевидную (с. 12), поскольку её выводы и проанализированный фактический материал могут быть использованы для усовершенствования русской лексикографии, что вполне справедливо. Кроме того, можно добавить к этому, что диссертация Д. В. Качурина, конечно, послужит и добротным теоретическим пособием, и собранием конкретного языкового материала в практике преподавания русского языка в высшей школе, прежде всего в курсе лексикологии, куда традиционно включается и раздел «Лексикография», не говоря уже о специализированных курсах, посвящённых лексикографии.

Строгость подхода к предмету своего исследования автор демонстрирует постоянно, и, обращаясь к той или иной частной проблеме, связанной с омонимией и многозначностью, всякий раз оценивает её значимость для лексикографии. Так, в преимущественно реферативной главе 1 «Различные трактовки термина “омоним” и история вопроса» Д. В. Качурин прямо пишет, что «для составителя словаря проблема омофонов и омографов не существует» (с. 23), что объясняется им довольно просто; или ниже, при обсуждении вопроса о признании или непризнании межкатегориальной омонимии: «...для составителя словаря вопрос “Омонимы или нет?” автоматически превращается в вопрос “Одна словарная статья или несколько?”» (с. 28) — и отсюда делается релевантный в рамках данного подхода вывод: «...применительно к практике составления толковых словарей случаи “межкатегориальной омонимии” должны рассматриваться на общих основаниях со случаями омонимии “внутрикатегориальной”» (с. 29). В той же главе подробно рассмотрены проблемы классификации омонимов и

критерии разграничения омонимии и полисемии, и в итоге автор приходит к выводу о необходимости проведения психолингвистического эксперимента, который мог бы верифицировать данные словарей. Предложенный подход представляется вполне резонным.

В главе 2 «Семантическая структура многозначного слова» после обзора основных концепций полисемии автор останавливается на анализе исконных полисемантов дом, язык, свет и мир, последние из которых в своём семантическом развитии пришли к омонимии. Семантической структуре слова дом посвящены Приложения А–В, слова язык (или трёх омонимов на его базе) — Приложение Г. Приведённый в этой главе эпидигматический анализ слов, основанный не только на материале имеющихся толковых словарей, но и на привлечении данных этимологии и истории, а также на концептуальном анализе фразеологических единиц, содержащих эти слова, можно считать образцовым, за исключением нескольких исторических неточностей (см. ниже замечания 4–6 настоящего отзыва).

Глава 3 «О градуальности шкалы “полисемия — омонимия”» собственно и представляет собой описание и обоснование данной шкалы, что следует признать основным теоретическим достижением диссертации Д. В. Качурина. Здесь из 364 омонимических рядов, выбранных из четырёх словарей и представленных в Приложении Д, выделено 167 случаев, по-разному квалифицированных в разных словарях, а значит, относящихся к зоне переходности между омонимией и полисемией. Кроме того, автор представляет здесь свою собственную классификацию омонимов по принципу причин возникновения омонимии, главные из которых — внутриязыковые и возникшие в результате межъязыковых контактов. Эта глава может быть признана центральной для всей диссертации, поскольку в ней рассматривается материал, извлечённый непосредственно из толковых словарей, и на его основании делаются теоретические выводы, в целом убедительные — за исключением частных неточностей (некоторые из них отмечены нами в списке замечаний), при исправлении которых изменится и расположение элементов на выстроенных для каждого типа омонимов шкалах.

Особенно интересен в этой главе параграф «4. Лингвистические термины и их омонимы на шкале “полисемия — омонимия”», где представлена попытка применить опробованную выше шкалу к лингвистическим терминам, исходя и из их возможной семантизации в обыденном, нетерминологическом, употреблении, и из степени морфемной членимости, которая для разных терминов, омонимичных словам обыденного языка, оказывается разная. Приведённые в этом параграфе рассуждения нетривиальны, основаны на тщательной проработке предшествующей литературы и содержат богатый лексический материал, хотя в целом приходится признать, что проблема «переходных» случаев в области терминологии всё ещё далека от разрешения.

Проверка всех теоретических положений, высказанных Д. В. Качуриным выше, осуществляется в главе 4 «Роль психолингвистического эксперимента и показаний языкового сознания носителей языка в решении проблемы разграничения омонимии и полисемии». При этом автор диссертации отдаёт себе полный отчёт в том, с какими трудностями сопряжён подобного рода эксперимент, и пытается обезопасить себя, точнее — обеспечить надёжность его результатов, при помощи нескольких методов, как то: обстоятельное предисловие к анкете (Приложение Е), предоставление респондентам выбора в ответах по шкале, предусматривающей и полное отсутствие семантической связи между предложенными омонимами, и т. п. Пример заполненной (впрочем, почему-то не до конца) анкеты приведён в Приложении Ж, и структура данной анкеты вполне адекватна поставленным исследователем задачам: в ней содержатся и адекватные толкования омонимичных слов, и в большинстве случаев графические иллюстрации, помогающие респондентам установить правильную референцию.

В той же главе предложено оформление словарных статей для промежуточных случаев между омонимией и многозначностью — на примере вокабул бюро и гвоздь (с. 264–265). В данных случаях образцы словарных статей представляются корректными, а потому могут быть рекомендованы составителям толковых словарей, что ещё раз говорит о практической значимости рецензируемой диссертации.

Список литературы к диссертации включает 224 библиографические единицы (в т. ч. три работы на чешском, немецком и английском языках), оформленные в соответствии с ГОСТом. Наконец, диссертация снабжена семью приложениями, которые были охарактеризованы нами выше.

Несмотря на общую высокую оценку диссертации Д. В. Качурина, считаем долгом обратить внимание автора и членов учёного совета на ряд проблем, связанных с рецензируемым исследованием, — как общетеоретических, так и частных, которые можно представить в виде списка замечаний:

1. «Радикальность» воззрений А. А. Потемби на проблему многозначности и маргинальность его современных последователей (В. М. Маркова, Б. И. Осипова — сторонников теории «семантической деривации») несколько преувеличена Д. В. Качуриным, поскольку именно в лексикографии эти воззрения иногда дают о себе знать,

например в таком интересном и целиком базирующемся на полевом материале «Словаре современного русского города» (М., 2003) под редакцией того же проф. Осипова. Хотя это словарь и не нормативный (впрочем, автор диссертации нигде эксплицитно не ограничивал себя лишь литературным языком), опыт его работы с многозначностью/ омонимией в разговорном языке г. Омска мог бы быть весьма полезным и для данного исследования.

2. Сам принцип «классификаци[и] лексических омонимов по принципу причин возникновения омонимии (в определённом смысле слова “этимологическ[ой]” классификаци[и])» (с. 38), который утверждает Д. В. Качурин, а также постоянные апелляции не просто к этимологии, но и к истории слов входят в некоторое противоречие с неоднократно декларируемым им следованием синхронии. Например, таково одно из положений, выносимых на защиту: «единственный критерий, которым мы можем пользоваться при разграничении омонимии и полисемии, — критерий собственно семантический, причём применяемый с точки зрения синхронии» (с. 16 диссертации, с. 5 автореферата; разрядка наша).

3. Соглашаясь с неоднократно высказанным в тексте диссертации положением, что «толковый словарь должен не только фиксировать что-либо, но и чему-то обучать, давать что-то новое, выражаясь словами А. И. Моисеева, поднимать читателя над его “порой убогими” представлениями» (с. 255–256), позволим выказать недоумение по поводу того, что исследователь при этом сознательно идёт на поводу явно народноэтимологических сближений между омонимами газ ‘состояние вещества’ vs. газ ‘лёгкая прозрачная ткань’, лава ‘расплавленная минеральная масса, извергаемая вулканом на земную поверхность’ vs. лава ‘боевой порядок при атаке в конном рассыпном строю’, а также отнесением значения ‘элита общества’ слова свет к омониму со значением ‘лучистая энергия’ (с. 265). В подобного рода случаях (особенно первых двух) анкету, возможно, целесообразно снабжать соответствующей этимологической справкой, которая бы унимала семантические фантазии респондентов, среди коих в данном случае были сплошь студенты и выпускники филологических факультетов (так что подобный результат сильно обескураживает и говорит скорее об уровне филологической подготовки респондентов, действительно сближая их с приснопоминаемыми «рядовыми носителями языка»).

4. Излишнее увлечение концептуальным анализом вкупе с недооценкой анализа источниковедческого приводит порой к таким курьёзам, как объяснение значения ‘монаршая династия’ у слова дом явно умозрительным построением подобного рода: «...это значение слова дом является своеобразной лакмусовой бумажкой, которая показывает, что сам народ как носитель языка чётко противопоставляет себя и монархическую власть (подчеркнём: именно монархическую, а не президентскую, например). <...> Для простого человека первостепенное значение имело хозяйство, всё то, что давало ему возможность выжить, семья как группа лиц, живущих в данный момент, а не род. Для царей же был важен “ореол святости”, который обеспечивала подробная родословная. Простой человек был устремлён в “синхронию”, в бытие, окружающее его сейчас, в то время как монарх — в “диахронию”, которая давала “подпитку” его власти и праву на власть» (с. 119–120; полужирное выделение оригинала, разрядка наша). Конечно, никакой «простой человек» («сам народ» — в данном случае, вероятно, русский) не имел отношения к образованию этого значения у слова дом, поскольку оно было заимствовано из французского языка в XVIII в. (см. «Словарь русского языка XVIII века», вып. 6: *la maison royale*), хотя в составе калек встречалось в русском языке и ранее (ср. «Словарь русского языка XI–XVII вв.», вып. 4: единственный пример 1598 г. — *изъ дому Аустрѣйского*). По свидетельству же французской «*Encyclopædia Universalis*» (vol. 19, p. 1186), это значение у слова *maison* появилось в XII в. под влиянием библеизма *domus David*, когда французские короли в контексте крестовых походов начали восприниматься как «новые Давиды». Впоследствии это специфическое употребление слова со значением ‘дом’ из французского проникло и в другие европейские языки, ср. нем. *das Haus Habsburg*, англ. *House of Stuart*, исп. *Casa de Austria*. Впрочем, нужно отдать должное языковой интуиции Д. В. Качурина: не зная о происхождении этого значения у русского слова дом, он правильно угадал в нём связь с «ореолом святости», однако его приращение царствующим особам принадлежит вовсе не «простому народу» (пусть даже французскому), а средневековым книжникам.

5. Положение о том, что у слова мир «распад на омонимы произошёл <...> в дописьменный период истории языка (на что указывает, например, и то обстоятельство, что мир в значении ‘спокойствие’ и в значении ‘вселенная’ последовательно противопоставлялись графически: первое имело форму мирь, второе — мѣрь)» слишком категорично. Орфографическая дифференциация данных омонимов произошла довольно поздно — лишь во второй половине XVII в., тогда как в более ранние эпохи они постоянно смешивались, о чём говорит, например, специальное сочинение по этому поводу — «Инока Максима Грека сказаніе о иже свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ Господу помолимся». Наконец, сам выбор именно этого одного слова для

обозначения совершенно разных греческих ещё в первых славянских переводах Солунскими братьями (да и во всей последующей переводческой деятельности) может говорить в пользу сохранения его полисемии по крайней мере в начале славянской письменности.

6. Отнесение всеми словарями значения 'привилегированные классы' к свет² напрасно ставится под сомнения, поскольку здесь также имеет место калька с французского monde (а не lumière или jour!), поэтому нет нужды заниматься наивной мотивацией, придумывая метафорический перенос «по функциональному сходству на основе наличия общей семы 'способность быть заметным, выделяться'» (с. 132).

7. Вызывает сомнения признание омонимии на фонетическом уровне (с. 18), когда стоящая за звуком речи фонема оказывается с ним как будто бы в тех же отношениях, как и значение слова с его планом выражения. Кроме того, выделение тех или иных фонем на месте одинаковых звуков зависит от конкретного теоретического подхода. Впрочем, это положение, по-видимому, случайно, поскольку оно практически не связано с основной темой диссертации, тем более что сам автор отмечает в другом месте: «...идея изоморфизма лексико-семантического яруса языка фонетическому требует очень осторожного обращения и не может претендовать на абсолютность» (с. 97).

8. Приводимые в параграфе «3.3.2. Омонимия, возникшая вследствие экстралингвистических причин» омонимы (или полисеманты) чубук¹ 'часть курительной трубки — трубка, присоединяемая к чаши' (в диссертации приводится ошибочное толкование 'курительная трубка' вообще) и чубук² 'черенок винограда, предназначенный для посадки' (в диссертации неполное толкование, в котором выпущена важная сема 'предназначенный для посадки') следовало бы рассмотреть в параграфе «3.2.4. Омонимы, заимствованные из одного языка», поскольку оба значения (или оба слова) заимствованы из одного тюркского источника, при этом чубук¹ никогда не изготавливался из чбука², поскольку последний был предназначен исключительно для рассады, а не ремесленной обработки. Вероятно, здесь с автором диссертации злую шутку сыграла неточность словарей, на которые он опирался.

Все отмеченные замечания носят частный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертации. По содержанию и оформлению рукопись Дмитрия Владимировича Качурина «Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей» полностью соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, изложенным в пп. 9–11, 13, 14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ. Основные положения и результаты исследования прошли необходимую апробацию, достаточно полно отражаются в автореферате и пяти научных публикациях автора, в том числе трёх из списка ВАК РФ. Таким образом, рецензируемая работа диссертанта является актуальной и перспективной, обладает необходимой степенью новизны, демонстрирует высокий уровень владения общенаучными и филологическими методами исследования, имеет теоретическое и практическое значение, а сам Дмитрий Владимирович Качурин заслуживает присуждения ему искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык.

Отзыв составлен доцентом кафедры русского языка филологического факультета МПГУ канд. филол. наук А. И. Грищенко и утверждён на заседании кафедры 18 апреля 2014 г., протокол № 14.

Зав. кафедрой русского
языка фил. ф-та МПГУ проф. Н. А. Николина